

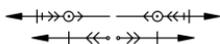

ПАУЧЬЯ ВДОВА
Том 1

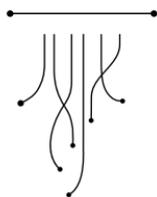
ПАУЧЬЯ ВДОВА
Том 2

АНАСТАСИЯ
МЕДВЕДЕВА

ПАУЧЬЯ ВДОВА
ТОМ 1

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М42

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *И. Косулиной*

Медведева, Анастасия Павловна.

М42 Паучья вдова. Том 1 / Анастасия Медведева. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-169606-1

Ну почему, когда всех нормальных попаданок уносит в прекрасный мир, полный светлой магии, красивых мужчин и говорящих котов, меня забросило именно в эту жуткую реальность? И почему в книгах везучие барышни попадают в изящные тела наивных девственниц, а я попала в тело какой-то вдовы-замарашки, дважды побывавшей замужем и сбежавшей от своего второго супруга в глушь для проведения странного обряда, папахивающего чернокнижием?!

Да, графиня-неудачница, наделала ты дел при жизни! И кажется, мне придётся разгрести все твои проблемы — хочу я того или нет, — потому что в своей реальности я, похоже, умерла...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Медведева А.П., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-169606-1

Глава 1

Открывать глаза не хочется, но необходимо понять — жива ли я?

Или уже нет...

Та машина вырулила из ниоткуда.

Моё тело помнит удар. Но боли нет. Вообще никакой. Это странно.

Пытаюсь почувствовать конечности — это выходит довольно просто. Я могу двигать руками, могу двигать ногами; могу двигать даже головой, но она, кажется, весит тонну. Слово из шеи исчезли все мышцы и я вдруг впервые поняла, насколько тяжёлым является содержимое моей черепной коробки... Это мои мысли столько весят? Или нереализованные мечты?

Почему так тяжело?..

Пытаюсь приподняться. Надо сделать это. Открыть их. Увидеть, что со мной стало — или чего *не* стало. Долго прятаться от реальности не получится.

Приоткрываю один...

И ни черта не вижу. Что за чернота вокруг? И откуда просветы? Авария произошла днём — и никак не на заброшенном заводе, чтобы сейчас угадывать вокруг стены какого-то помещения...

Открываю второй глаз и с удивлением отмечаю, что «чернота вокруг» — это волосы. Чёрные волосы.

— Что за?.. — Хочу выругаться, но в горле слишком сухо. Откашлявшись, тяну за волос.

Может, мне на голову кто-то парик накинул? Или я проснулась от десятилетней комы, когда моё каре уже

отросло до талии?.. Но это никак не объясняет цвет: у меня он тёплый, светло-русый...

Кожу головы что-то тянет.

Осознаю, что чёрная копна — моя.

Вообще ничего не понимаю. Откидываю назад «своё родное» и смотрю по сторонам.

Я в сарае.

Я в сарае?

Какого чёрта я в сарае?!

Опускаю взгляд на пол и едва не начинаю стонать в голос... потому что на полу прямо подо мной расчерчен какой-то круг с непонятными письменами внутри. Моё бездыханное тело выкрали прямо с улицы и отвезли в глушь для каких-то сатанинских обрядов?! Тогда как я смогла очнуться? Это какой-то новый вид медицины? Незапатентованный — а оттого и секретный?

Ведь я в итоге смогла оклематься. Даже чёрные волосы отрастила. Кого мне теперь благодарить?..

Помогаю себе руками и встаю на ноги. Смотрю на простое чёрное платье, в которое я была облачена, и продолжаю активно ничего не понимать.

Это дичь какая-то!

У меня украли одежду? Тот костюм был дорогим. Я за него сорок тысяч отдала. И сумка... где моя сумка?.. Там всё: карты, ключи, телефон.

Телефон!

Чёрт, они ещё и телефон забрали.

Приподнимаю подол, чтобы не создавал звуков при ходьбе, и бесшумно иду к двери. Она закрыта изнутри. Так, хорошо. Выходит, я очнулась после аварии где-то поблизости, успела отбиться от своих похитителей и спряталась в сарае... в сарае, где был расчерчен какой-то ритуальный круг... *опускаю взгляд на ладони...* где был расчерчен какой-то ритуальный круг, судя по всему, моими собственными руками... так, хорошо, я заснула в сарае в странном платье, прямо после своего собственного похищения из центра города и прямо из-под камер на дороге, и за пару часов сна в центре круга, расчерченного

моими собственными руками, я отрастила себе волосы до попы.

Что ж, теперь всё понятно.

Как-то даже легче стало.

Какого лешего вокруг творится?!

Спокойно, мать, ты либо бредишь, либо не бредишь. Другого не дано.

Да, я успокаиваю себя самау.

Иначе никак.

Осторожно приоткрываю замок...

Снаружи никого. Ну, если не считать деревьев и тропинки куда-то в глубь леса.

А ещё нещадно сплит солнце... выходит, сейчас часов двенадцать... Сколько я пролежала в этом сарае?! Сутки?

Осторожно продвигаюсь вперёд, каждую секунду ожидая появления тех самых похитителей, которые не то сами сатанисты, не то гипнотизёры-экспериментаторы, решившие провести опыт над случайно выбранной девушкой...

Мне просто не повезло попасть под машину у них на глазах; они украли моё тело, вывезли его из города и... чёрт, длинные чёрные волосы я никак не могу объяснить! Даже если заставлю саму себя поверить во всю эту дичь с похищением и своим внезапно обнаружившимся интересом к колдовским ритуалам!!!

Выхожу по тропинке к небольшому строению, которое могло бы называться домом где-нибудь, ну, я не знаю, в сериале «Игра престолов»?.. Таких домов больше не строят. Лет этак... триста... И я сейчас, конечно, имею в виду Европу, а не Россию: у нас такие здания из камня в принципе никогда не были распространены в архитектуре...

Так... ладно... *вопрос один — заходить или нет?*

Вопрос, по сути, риторический: если я не найду, я не разберусь, что здесь вообще происходит. Может, там какие люди есть, которые пояснят доступно, как так вышло, что я... здесь?..

Вздыхаю, запуская пальцы в волосы, затем вспоминаю о том, что они у меня теперь длинные, да ещё и нечёса-

ные. Отлично. Смотрю с немалой долей скепсиса на чёрный колтун, остановивший движение руки, и решаю своё «добро» отросшее больше не трогать. Для начала нужно найти расчёску. Хотя бы.

Захожу в дом, вежливо постучав в дверь.

Никто не отзывается, поэтому решаю не останавливаться. Внутри и впрямь всё, как в кино. Какая-то утварь, лавки, деревянный стол, которому лет сто... он из поколения в поколение, что ли, передаётся?.. Прохожу к нему и беру бесформенную булку из корзины. Хлеб. По крайней мере, пахнет хлебом. Откусываю... съедобно. Только несолено.

Прохожу дальше — в дальнюю часть помещения, где было несколько дверей в разные комнаты. Открываю одну из них... и резко отшатываюсь обратно, напарываясь спиной на противоположную дверь и проваливаясь во вторую комнату. Быстро разворачиваюсь... и вновь вылезаю в коридор, но на этот раз бегу к самому выходу!

— Что за чёрт?! — кричу, едва справляясь с управлением своим телом.

В комнатах были трупы людей. Совсем даже не старых людей, без каких-либо следов насильственной смерти... Все они лежали в постелях, у всех у них были открыты глаза, и все они окоченели с одним и тем же выражением на лице. Выражением ужаса.

Вырываюсь на воздух и растерянно оглядываюсь по сторонам. Что это? Чья-то злая шутка? Почему они мертвы?!

Начинаю слышать какие-то звуки — чей-то голос, весело рассуждающий то ли о погоде, то ли ещё о чём... и испуганно бегу в другую сторону; прячусь среди кустов. Когда из-за поворота появляются несколько мужчин с вилами, моё сердце уходит в пятки. Если это ролевики, то они очень серьёзно подходят к своему развлечению...

Это слишком убедительно. Это всё. Их костюмы, их волосы, простые черты их лиц, их грязные руки...

— ...Да, но что-то их голосов не слышно, словно они решили не вставать с постелей, — хмыкнув, громко про-

износит один из мужиков и останавливается перед входом. — Эй, хозяйева! А кто нас кормить будет?

Из дома не доносится ни звука, и мужики удивлённо переглядываются.

— Они вышли куда? — хмурясь, спрашивает первый.

— Ты иди, проверь, может, случилось что, — предлагает ему второй.

Третий кивает с насторожённым видом, а сам начинает по сторонам смотреть.

Наклоняюсь к самой земле, не отдавая себе отчёта в действиях.

Я чего-то боюсь? Но чего? Что меня обвинят в их смерти? По закону жанра так и должно произойти: я — чужачка, которая очнулась в центре какой-то пентаграммы!

Но если я боюсь такого исхода, это значит, что я приняла всё происходящее за действительность.

А я не хочу этого принимать!

— Сгинь, нечистый дух! — кричит мужик, выбегая из дома и стряхивая с себя что-то невидимое.

— Что там? — взволнованно спрашивают его товарищи.

— Они мертвы! Все мертвы! И, кажется, с ночи! Они все в кроватях лежат с открытыми глазами! — испуганно отвечает первый, а я начинаю пятиться назад, в глубь пролеска.

Не знаю, правда это или нет, но мне всё это очень не нравится! Если кто-то играет со мной, то я бы предпочла выйти из игры прямо сейчас: не хочу участвовать в том, чего не понимаю.

— Там кто-то есть! Слышите шорох? — Голос одного из мужчин вынуждает меня замереть на месте.

— Может, зверь? — предполагает второй.

— Или убийца... — протягивает третий.

— Но ты же сказал, что они умерли ещё ночью, — напряжённо проговаривает второй первому, а я делаю ещё один осторожный шаг назад.

В такой ситуации, как эта, мне может навредить не столько неудачное стечение обстоятельств, сколько людское невежество.

— Надо звать управляющего, — протягивает первый не менее напряжённо, — если это какое-то колдовство, то мы все в опасности.

— Колдовство? — нарочито медленно переспрашивает третий. — Думаешь, их убили? Но кому мог помешать пекарь с семьёй?..

— Хороший вопрос. И не нам на него отвечать, — произносит самый главный среди них, а затем отдаёт команду: — Осмотритесь здесь, а я посыльного отправлю. Нельзя допустить, чтобы убийца безнаказанным ушёл.

Ну, вот! Теперь я встряла! Понятия не имею, что происходит вокруг и почему я оказалась втянута в какую-то странную средневековую историю, но факт остаётся фактом — я проснулась в центре пентаграммы. Значит, я была частью какого-то обряда. Вполне возможно, что этот обряд проводил какой-то опытный колдун... боже, о чём я?! *Какой колдун? Какой обряд? Как мне прийти в себя?!*

Разворачиваюсь и начинаю бежать вперёд. Не глядя. Не думая о том, как глупо это выглядит со стороны, если моё бездыханное тело смеха ради затащили на территорию ролевиков.

Мне страшно.

Потому что волосы за ночь не отрастают. И потому что тело моё кажется слишком худым. И потому что я не чувствую никакой боли — а ведь удар о капот был сильный...

Если я переродилась в каком-то другом мире, то, пожалуйста, дайте мне какой-нибудь знак! Хоть кто-нибудь! Я должна понимать, что это не бред и что моя жизнь в данный момент на кону! Хотя — куда уж больше?.. Я и так это понимаю — вон как бегу! Аж пятки сверкают! Учитель физкультуры в школе однозначно б оценил!

Но что-то мне совсем не смешно. Мне жутко. Сердце стучит как ненормальное. Оно, как и я, не может поверить, что так бывает. Что люди могут проснуться в другой реальности и в чужом теле. Это только на страницах книг возможно; но мир лишён волшебства — так какого чёрта?!

Когда лес вокруг становится почти непроходимым, я останавливаюсь у самого высокого и могучего дерева и лезу наверх; не сразу, но понимаю, что вниз спуститься сил уже точно не хватит, но об этом я подумаю потом. А сейчас нужно осмотреться.

Так, позади у нас какое-то поселение — то ли деревня, то ли село, чтоб я ещё знала разницу...

Туда мне идти не надо. Там все сразу смекнут, что странная женщина с огромными испуганными глазами может быть причиной смерти доброго пекаря и его семьи... Нет, туда мне нельзя. Нужно найти какое-то другое место...

Проблема в том, что впереди был лишь лес. Я — городской житель и ориентироваться умею только благодаря приложению на телефоне. Однако вариантов у меня не много, а назад дороги нет. В конце концов, когда-то деревья должны будут закончиться — куда-нибудь, да выйду. Лишь бы понять, что теперь делать.

Даю себе время на отдых, отмечая дикое напряжение во всём теле. Когда дыхание выравнивается, плету из волос подобие косы и откидываю её назад; затем спускаюсь вниз и начинаю идти вперёд...

Понятия не имею, сколько времени проходит, но мои ноги уже гудят, а глаза отказываются чётко видеть мир. Надо где-то отдохнуть. И что-нибудь съесть. Мой живот в узел от голода заворачивается.

В конце уже бреду вперёд на автомате; готова выть от усталости, но держусь... впереди вижу просвет. Это край леса?.. Медленно подхожу к толстому дереву и осторожно выглядываю из-за ствола. Впереди какое-то подобие дома. Из трубы валит дым. Выходит, там есть люди.

Есть хочу до смерти...

Но идти вперёд боюсь. Тоже — до смерти.

Так... нужно мыслить логически. Если я сейчас не добуду еды, о дальнейшем забеге можно забыть. Да и куда бежать? Мне бы узнать, кто я и где моё место в этом мире?

Сжимаю кулаки... и выхожу из-за деревьев. Прохожу мимо деревянного ведра, полного воды. Не удерживаюсь и черпаю оттуда ладонью. Жадно глотаю.

Утолив первую потребность, прислушиваюсь и иду к дому. Кажется, внутри никого. Но печь работает... Боже, надеюсь, там есть хоть что-то съестное.

Захожу и первым делом иду к столу: тут овощи! И хлеб!

Простите меня, хозяева, но сдерживаться я не буду — иначе загнусь.

Отправляю в рот всё, что нахожу, тщательно пережевывая и запивая чем-то, отдалённо напоминающим квас. Кажется, это алкоголь...

Плевать: если не буду пить — подавлюсь. Смерть от непроглоченного куска пугает не меньше, чем смерть на костре по обвинению в колдовстве. Не знаю, кто я здесь, но жить мне хочется. Это нормальное такое желание.

— Ого! А у нас в доме завёлся грызун!

Голос принадлежал мужчине, смешки — ещё нескольким представителям сильного пола. Что здесь вообще с женщинами? Почему я их почти не вижу? Мёртвая девчонка в доме пекаря не в счёт.

Думаю, самое время проверить, как у меня здесь с речью: вдруг никто не поймёт ни слова?..

— Добрый день, — выдавливаю из себя и изумлённо застываю, услышав голос.

Не свой голос.

По коже бегут мурашки.

Это не мой голос!

— Ты чего так испугалась? Думаешь, мы тебя обидим? — усмехается высокий и крепкий детина, глядя на меня сверху вниз.

— Я прошу прощения... Меня мучил голод... — аккуратно подбираю слова, следя за вторым детиной, обходящим меня по кругу.

— Так ты у нас еду украла? Нехорошо, — качает головой тот, что заговорил первым.

Почему я вижу на его лице недобрую улыбку?..

— Я потерялась в лесу... Не знаю, где я... — взволнованно слежу за перемещениями хозяев дома, понятия не имея, чего ожидать.

— А как ты в лес-то попала? Сбежала из дому, что ли? — склоняет голову детина.

— Не знаю. Я ничего не помню... — мягко отвечаю, машинально обнимая себя за плечи. Словно пытаюсь закрыться от их взглядов.

— Что — ни имени, ни рода? — удивляется первый, переглядываясь со вторым.

— Ничего не помню, — отступаю на шаг.

Те двое, что стояли у входа и молчали, начинают двигаться в мою сторону.

— Если ты ничего не помнишь о себе, значит, у тебя проблемы с памятью, — логично предполагает самый разговорчивый, — либо ты притворяешься... и бежишь от кого-то.

— Я ни от кого не бегу... — выдавливаю, загоняя себя в угол.

— Хорошо, но ты же куда-то идёшь? И откуда-то... — приближается ко мне мужчина.

— Я не помню, откуда я иду, — произношу, напряжённо глядя на него.

— Пряма-таки не помнишь? — усмехается тот.

— Нет, — качаю головой.

Никто не должен ассоциировать меня с тем сараем и с тем домом, полным трупов.

— Ни того, куда идёшь, ни того, кто ты... — продолжает рассуждать он.

— Нет, — ещё тише произношу.

— Бедняжка, — произносит кто-то за моей спиной, а в следующую секунду на моей талии появляются руки.

Пытаюсь закричать, но рот тут же закрывают широкой ладонью!

— Давно у меня девки не было! — радостно произносит один из четвёрки, уже не знаю — какой! На моих глазах слёзы от ужаса: меня насиловать собрались?! И кто?! Какие-то непонятные мужики, лиц которых я не в состоянии запомнить?!?

— Рви её платье! — слышу команду.

И отключаюсь, ощутив, как резко похолодело тело.

Глава 2

Когда открываю глаза, солнце всё так же светит в окна. Выходит, я потеряла сознание буквально на полчаса... может, на час. Медленно поднимаюсь на ноги, попутно отмечая пульсирующие места на теле — от рук насильников — и замечая разорванный подол у платья... Вот только самого страшного не произошло. Я не чувствую этого.

Моё тело не осквернено.

Да и сами насильники куда-то пропали. Я на полу лежу одна.

Они меня напугали и работать ушли? Что вообще...

Застываю, заметив инородный предмет краем глаза. В верхнем углу дома, под самым потолком...

Это что... такое?..

Присматриваюсь к огромному белому кокону, крепившемуся к стенам и потолку такими же белыми и прочными нитями. Затем что-то дёргает меня посмотреть в другой угол — и я вижу ещё один... в третьем углу оказался такой же кокон, как и в четвёртом. Подхожу к одному из углов и внимательно присматриваюсь к содержимому странного свёртка... А затем падаю на колени и освобождаю свой желудок от недавно съеденной еды.

Там человек! Внутри этой штуки — человек! Мёртвый человек! Тот самый детина, что рвал на мне платье!

Да что за чертовщина здесь творится?!

Вытираю подбородок рукавом и вылетаю из дома. Понятия не имею, куда бежать, потому бегу куда глаза глядят! Не жалея сил бегу! Не чувствуя ног от страха! Когда вокруг сгущается темень, бреду наугад, с усилием продолжая переставлять ноги. Главное — не останавливаться... Нужно уйти как можно дальше от тех, мёртвых... Их смерть не должны ассоциировать со мной... Ни в коем случае! Я не виновата! Ни в этот раз, ни в тот! Это не моя вина!

Сама не понимаю, откуда вновь берутся силы, и я вновь бегу, натываясь на деревья, царапая лицо о вет-

ки, почти не разбирая дороги, и, когда выбегаю на поле, засеянное пшеницей, и вижу женщину — живую, склонившуюся над колосьями, одетую в такое же длинное платье, как и я... — мчусь к ней и падаю у её ног, начиная рыдать в голос.

Дальше помню смутно... кажется, меня подняли и довели до какого-то дома... потом о чём-то спрашивали... как-то успокаивали... чем-то кормили... я была словно в вакууме и вообще не понимала, что вокруг происходит и чего от меня хотят. Пришла в себя лишь тогда, когда услышала звук шагов человека, спускавшегося с лестницы. Тяжёлых шагов. Шагов мужчины... Понятия не имею, что на тот момент творилось с моей психикой, но я забилась в угол с куском хлеба и затравленно следила, как человек в высоких кожаных сапогах и странном плаще, скрывающем одежду, не торопясь спускался вниз. Я запомнила его взгляд, брошенный на меня. Безразличный — внешне, но отмечающий что-то про себя... Он остановился лишь на мгновение и сразу направился на выход, не давая возможности запомнить своё лицо.

Не помню, сколько я просидела, глядя ему вслед, помню только, что та женщина в платье и чепце, что привела меня, ушла за ним и долго не возвращалась.

Я начала прислушиваться к голосам в доме.

— Ты видела её платье?

— У неё всё лицо в царапинах... скорее всего, бежала через лес...

— Бедняжка! Что же с ней сделали? И кто?..

— Да разве ж она расскажет? Ты посмотри, что с ней стало! Даже на человека не похожа.

Разговор шёл между двумя кухарками трактира, которых я почти не видела, потому как сидела на полу в самом углу помещения, а огромный деревянный стол перекрывал видимость.

Но по их голосам я поняла, что подобные случаи — не редкость. Женщинам опасно ходить в одиночку по этой земле.

Вот только — почему?..

Когда та, что привела меня, возвращается, я всё ещё не могу выдать ни звука: боюсь, что меня погонят прочь или ещё хуже — заставят отвечать за все те убийства, к которым я не имела никакого отношения. В доброту людскую я уже не верю. Не в тот мир попала.

Стараясь не думать о том, что я сошла с ума, иду за женщиной в чепце... Меня заводят в какую-то комнатку и велят ждать. А чего ждать? Не объясняют...

Когда остаюсь одна, вновь забиваюсь в угол и напряжённо смотрю на дверь. И вновь жду.

И вновь теряю счёт времени — оттого испуганно вздрагиваю, когда дверь резко открывается.

— Милая моя, — неожиданно появляется передо мной совершенно незнакомая мне женщина в добротном платье и с аккуратно убранными волосами, — поднимайтесь, прошу вас!

Слегка удивлённая сменой отношения, слушаюсь, опираясь на её руки и вставая на ноги.

— Прошу, идёмте за мной, — и женщина выводит меня в коридор, а затем через кухню — прямо на выход, почему-то придерживая за голову и словно прикрывая моё лицо от глаз работавших там кухарок.

Уже снаружи на меня накидывают плащ с капюшоном, а затем ведут по оживлённым улицам поселения куда-то вперёд. Стараюсь не думать о том, что происходит. Почему-то этой женщине хочется довериться и не ждать от неё подвоха. Поэтому, когда меня заводят в какой-то добротный дом — правда, с чёрного хода, — я слегка расслабляюсь. Лучше иметь дело с образованными людьми, чем со слугами или рабочими мужиками. Здесь я хотя бы смогу получить какую-то информацию.

Шепотки, доносившиеся до меня, пока я ждала у двери, слегка спутали мои мысли:

— Ты уверена? — мужской голос, принадлежащий какому-то очень мягкому человеку, привыкшему прислуживать.

— Он сам так сказал, — ответ той женщины, что привела меня, — он же послал за мной.

— Но это невозможно! Её же считают...

— Тише! Если он сказал, значит, возможно. Помни о своем долге!

— Конечно-конечно... Я сделаю всё, что нужно...

Затем ко мне вновь вышла моя новая провожатая и повела на второй этаж, где была огромная ванная, наполненная горячей водой.

Рядом с нею стояла безликая служанка, готовая помочь мне обмыть тело.

— Вам нужно... — произносит женщина и замолкает, словно не зная, как закончить предложение; её взгляд направлен на моё платье, больше не скрытое плащом; она смотрит на него, будто впервые заметив или впервые дав себе установку — *увидеть*, что со мной произошло. — Госпожа, мне так жаль!

— Госпожа? — переспрашиваю, напряжённо глядя на неё.

— Прошу вас, снимите это платье, вам нужно принять ванну...

«И забыть всё то, что с вами произошло».

Она не сказала этого вслух, но почему-то я чётко почувствовала, что она хотела это добавить — но сдержалась.

Следую её совету и стягиваю с себя одежду. Заметив синяки на моих руках, женщина закрывает лицо и едва сдерживает поражённый вздох.

Что такое? Они же догадывались о том, что со мной произошло! К чему сейчас эти реакции? Или ей ни о чём не рассказали? Кто она вообще?..

Забираюсь в воду и позволяю молчаливой работнице обмыть моё тело. Сама я сейчас ни на что не способна. Ни на что, кроме мысли: что поменялось?..

Почему ко мне так относятся? Почему называют госпожой? Кто я?..

И почему те четверо меня не узнали?

Те четверо, что сейчас висят в коконах, мёртвые...

Не думать об этом! Не думать.

— Синяки заживут, госпожа. Царапины на лице тоже. Это особая вода, в ней травы, исцеляющие и тело, и ду-

шу. Вы будете как новенькая — совсем скоро! Лишь дайте нам позаботиться о вас! — причитала женщина, всё больше озадачивая меня.

На простую девку так тратиться не будут. И госпожой её тоже называть не будут. Меня кто-то узнал? Кто-то из тех, кто раньше видел... это тело?

Тогда сейчас мне нужен ответ лишь на один вопрос.

— Кто я? — спрашиваю ровным голосом, и рука с тряпкой на моей спине замирает.

А лицо женщины, ожидавшей у входа, резко бледнеет.

Так, ясно. Лучше дождаться, когда мы останемся наедине.

— Продолжай, — поворачиваю голову к служанке, и та вновь начинает омыwać моё тело.

Молча сношу процедуру, отмечая появление ясности в сознании — особенно когда прислужница добралась до кожи головы.

И впрямь — волшебная травка. Мой страх и моя паника почти сошли на нет. Теперь я могу здраво мыслить. А это значит — пора действовать.

Дожидаюсь, когда меня оботрут и уведут в комнату, наполненную светом от свечей. Сколько сейчас времени? Десять вечера? Или уже перевалило за полночь?.. Как сложно без часов. В покоях, выделенных специально для меня, мне предоставляют платье, которое выглядит намного дороже, чем одежда женщины, приведшей меня в этот дом...

Отпускаю работницу кивком, разворачиваюсь к своей спасительнице и вновь повторяю вопрос:

— Кто я?

— Госпожа, — то ли отвечает, то ли спрашивает она.

— Кто ты? — задаю второй вопрос.

— Ваша слуга, моя госпожа, как и все здесь, — покорно отвечает она, и я чувствую — на этот вопрос она может ответить без запинки. В отличие от того, предыдущего.

— Как тебя зовут? — спрашиваю так же ровно.

— Должно быть, вы меня уже не помните... моё имя — Мора, моя госпожа, — вновь покорно отвечает женщина.

— Я... очень нуждаюсь в твоей помощи, Мора, — произношу медленно и осторожно.

— Я сделаю всё, что смогу, моя госпожа! — с облегчением отзывается та.

— Скажи мне, кто я.

И вновь молчание.

— Госпожа...

— Моё имя, Мора. Я хочу услышать своё имя.

Не знаю, что повлияло на эту женщину: моё спокойствие или то, как я перефразировала свою просьбу? Но она наконец ответила:

— Госпожа Минока.

— Верно, я твоя госпожа Минока, — прислушиваясь к собственному имени здесь, в этом мире, произношу медленно; не скажу, что я безумно рада подобному положению вещей, но от осознания факта, что я — не безродная чернавка, мне становится чуть-чуть легче. — Так объясни мне, Мора, как так получилось, что вы за мной не углядели?

Рука женщины дёргается к лицу, а сама она делает шаг назад, испуганно глядя на меня.

— Госпожа, да кто ж знал, куда вы исчезли? Вас же всем миром искали! Все в графстве! Даже дети! Но то — когда было! Месяц прошёл, и ваш супруг объявил, что вы умерли! Всё по закону! Мы не виноваты! Мы не знали, что вы попали в беду! Прошу вас, поверьте, моя жизнь полностью принадлежит вам! — Она падает на пол, а я стою посреди комнаты и активно думаю.

Эта особа — в теле которой я оказалась, — графиня. И она замужем. И она пропала месяц назад. А я вселилась в неё только сегодня утром, обнаружив себя в сарае, запертом изнутри, в центре странной пентаграммы.

А теперь, внимание, вопрос...

Что графиня делала в этом самом сарае спустя месяц после своего побега от супруга?..

— Ты будешь помилована.

Причитания мгновенно останавливаются, а заплаканное лицо отрывается от пола, встречаясь со мной глазами.

— Моя госпожа?.. — произносят мокрые от слёз губы. Кажется, я выбрала верный тон. Надо продолжать в том же духе.

— Твоя служба мне только начинается, — проговариваю чётко, параллельно обдумывая план действий. — Я хочу, чтобы ты всегда была рядом. Подле меня. Ты поняла это?

— Да, госпожа, — растерянно отзывается Мора.

— Хочу, чтобы ты рассказывала мне обо всём, что знаешь.

— Да, госпожа, — уже чуть менее уверенным голосом произносит та.

— Мой муж считает меня мёртвой? — задаю вопрос.

— Это так, моя госпожа, — склоняет голову Мора, — но мы вернём вас на ваше место. И пусть по закону он уже свободен от своих обязанностей, вы всё ещё графиня Паучьих земель!

Застываю, услышав название своих владений.

— Паучьих... земель?.. — переспрашиваю аккуратно.

— Простите, что использовала это выражение, — отвечает Мора, позволив себе робкую улыбку, — но оно в ходу среди народа, сами знаете: ваш почивший супруг имел определённую известность.

Итак, барабанная дробь...

Минока уже дважды была замужем.

И первый её муж пользовался в народе странной славой. Полагаю, именно он был графом — раз эти земли названы в его честь. И, выходит, он не был молод, потому что в его смерти меня никто не обвиняет — напротив, меня хотят вернуть обратно, на законное место.

Значит, первый супруг умер сам.

От этого становится немножко легче...

— По поводу моего возвращения... — произношу, немного подумав, — мне нужно прийти в себя. И излечить раны.

— Конечно, у вас будет на это время, — тут же заверяет меня Мора, — но, прошу, позвольте хотя бы объявить вас живой! Ваш народ обрадуется!

— Завтра, — чуть повышаю голос; моя вина — нервы не выдерживают, — решим этот вопрос завтра, — чуть спокойнее добавляю, — и ещё... я хочу, чтобы мне принесли портрет моего мужа. Я... соскучилась. Хочу увидеть его лицо.

Взгляд Мора, направленный на меня, мне не понравился.

— Вашего первого мужа, моя госпожа? — уточняет она почему-то.

— Обоих... моих мужей, — произношу аккуратно, — хочу взглянуть и на того, и на другого.

— Ваше право, госпожа, — всё так же странно отзывается женщина, а в мою голову закрадываются нехорошие мысли.

Что не так с моим браком? К чему были эти переспрашивания?

— И ещё принеси карту моих земель, — добавляю, когда Мора уже открывает дверь.

— О, вы решили заняться теми странными убийствами?

Да нет, всего лишь пытаюсь понять, как мне не оплошать, когда за мной придут: должна же я знать, что у меня за владения! С остальным по ходу разберусь.

Но она сказала про убийства?..

— Что думаешь по этому поводу? — брякаю наобум, состряпав вполне себе серьёзное выражение на лице.

— Позвольте мне озвучить догадку — вы ведь из-за этого дела и пропали, верно? — продолжает снабжать меня такой необходимой информацией Мора.

— Верно, — произношу, отвернувшись от неё.

А что ещё я могу?!

— А карта...

— С описанием всех земель, именами всех управляющих на местах, указанием предназначения каждой конкретной зоны... — замолкаю, встретив взгляд своей помощницы. — Я хочу владеть всей информацией.

— Ваши люди будут счастливы услышать это, — произносит Мора, и я вижу, как смягчается её лицо.

Так, выходит, Минока не торопилась окунуться в «семейный бизнес». Зато не гнушалась помощи потусторонних сил.

Или это был первый и последний раз?..

— Мора! — окликаю свою помощницу, когда та уже прикрывает за собой дверь. — Ещё мне нужен человек, способный перечислить все проблемы, скопившиеся за время моего отсутствия.

— У вас будет этот человек, — со спокойной уверенностью отвечает та, и на её губах появляется улыбка, полная гордости.

Ага... Чую, графиня вообще ничем не занималась, ни разу в своей жизни — раз моя прислуга гордится самыми банальными просьбами правительницы местных земель...

Что ж, мы это исправим. А теперь — в кровать. И я очень надеюсь, что, проснувшись, обнаружу себя в больнице с каким-нибудь незначительным переломом, окружённая взволнованными родственниками и сочувствующими коллегами. Потому как принимать за данность этот набор новых обстоятельств я ещё не готова. В качестве разминки опухшего от анестезии мозга — пожалуйста! Но не в качестве реальности.

Тут я сделала всё, что смогла: вела себя разумно, насколько было возможно, действовала по обстоятельствам. Самое время этому кошмару закончиться... а мне — вернуться назад.

Понятия не имею, почему, когда проваливаюсь в сон, вижу того мужчину в высоких дорожных сапогах... И почему опять не могу запомнить его лицо — словно его черты ускользают от меня намеренно... Потом отчётливо чувствую, как к моей коже прикасаются: подбородок захватывают, разглядывая моё лицо, затем почти грубо отпускают, — и я получаю возможность открыть глаза в своём *настоящем*.

Потолок был тем же, что вчера. А помещение напоминало покои какой-нибудь беднеющей княгини, снимавшей квартиру в городском доме пару веков назад...

Я не вернулась. Я всё ещё здесь.

Кажется, меня кто-то проклял...

Глава 3

— Ваши ногти, моя госпожа, — причитает Мора, пока я поглощаю свой завтрак.

Перевожу взгляд на работницу, трудящуюся над моим маникюром а-ля Средневековье, и безразлично игнорирую необходимость что-либо говорить.

Да, Минока явно не ставила себе целью следить за внешностью в последний месяц своей жизни. Кожа, ногти, волосы — всё пришло в такое состояние, что от «графини» остался только титул. Да и тот под вопросом — пока меня не окрестили живой.

Но я могу понять предыдущую хозяйку тела: я в этом мире всего один день, а мне уже хочется прыгнуть под колёса телеги. Или что у них здесь является самым опасным и смертоносным видом транспорта?..

— Сколько целебных ванн мне ещё предстоит принять, чтобы лицо вернулось в прежний вид? — уточняю, прожевав еду.

В данный момент из зеркала на меня смотрело измождённое умертвие. Хотелось бы побыстрее разобраться со всеми своими данными, раз уж я здесь застряла.

— Думаю, ежедневные процедуры дадут результат к концу недели, — отвечает Мора.

— Отлично, значит, к концу недели мы объявим о моём возвращении из мира мёртвых, — киваю, заглянув в зеркало; а затем уточняю спокойно: — И сколько часов дороги отделяет меня от замка?..

— День пути, — даёт мягкий ответ Мора, а я откровенно скисаю, представив себе эти двадцать четыре часа сплошного комфорта и «удобств» на лоне природы. Тут все эффекты целебных травок сойдут на нет..

Стучу ногтями по столешнице.

Ладно, доберёмся как-нибудь; главное, чтобы меня по дороге за эти сутки не отправили обратно в мир иной — чтоб не мешалась под ногами более крупных игроков.

К слову, об играках... Отпускаю работницу из гостиной и негромко задаю своей помощнице вопрос:

— Могу я доверять тебе?

— Абсолютно. Моя жизнь в ваших руках, моя госпожа, — звучит уверенный ответ.

— У меня в голове каша. Воспоминания спутались, словно меня кто-то проклял. Не могу вспомнить — какой муж был первым, какой — вторым. Не могу вспомнить, где в последний раз видела тебя. Помогите восстановить цепочку событий, иначе я буквально сойду с ума, — произношу настолько серьёзно, насколько возможно.

— Святые силы! Скорее всего, тот чёрный колдун достиг вас! — воскликнув, шепчет Мора, глядя на меня испуганным и одновременно — облегчённым взглядом.

— Полагаю, что так, — понижаю голос, сообщая «по секрету».

Спасибо тебе, господин колдун, — кем бы ты ни был! Но теперь я получила шанс оправдать своё странное поведение. К тому же это отличная возможность перекинуть на неведомого врага смерть четырёх мужчин, которую я и сама до сих пор объяснить не могу...

— Мне необходимо как можно скорее вернуть утраченное, пока я не нанесла ущерб своему имени, — произношу негромко, сосредоточенно глядя на свою помощницу.

— Госпожа, я счастлива быть вам полезной, — лицо Моры буквально сияет от гордости, — с вами мы виделись последний раз пять лет назад — как раз перед вашей помолвкой с графом Дайго. Вот его портрет. — И она подаёт мне портрет в небольшой раме, с которого на меня пронизательными глазами смотрит старик лет шестидесяти — не меньше... Напряжённо сглатываю, стараясь не думать о «своём» первом муже слишком плохо... но получается с трудом. — Я тогда служила господину, занимала должность ключницы в замке, но, как вы помните, после свадьбы граф изгнал из дома всех женщин моложе сорока пяти, дабы они не злословили о вас и не распускали слухов о вашем браке. Вы должны знать, моя госпожа, что

я всегда хорошо относилась к своему хозяину и не держала на него обиды за это решение. В его возрасте обзавестись женой рискнёт не каждый... Но, думаю, изгонять на границу земель всех женщин рабочего возраста было лишним.

Ага. Старик женился на молодой безродной бедняжке. А потом, чтобы оградить себя от сплетен, а свою молоденькую жену — от стыда за свой брак, избавился от всех особей детородного возраста, сослав их к чёрту на кулички.

— Граф слегка перестарался, — киваю, мягко улыбаясь, — я хорошо помню тот день, когда он озвучил свой приказ...

— Я так этому рада! — заглатывает наживку Мора. — Ваш муж искренне любил вас! И как замечательно, что эти ценные воспоминания навсегда останутся с вами!

Мудро молчу, потупив «счастливый» взгляд. Если тот старикашка касался *ее* тела, то мне понадобится психиатр: не уверена, что смогу продолжать спокойно жить с этими мыслями.

— Но он умер, — подвожу Мору к следующему этапу рассказа.

— Верно, небеса забрали его душу... Это был год великого траура... — кивает женщина, поражая меня появлением слёз на глазах.

— И большого давления на меня, — предполагаю аккуратно, кивая её словам.

— Да, вы были обязаны найти нового мужа, когда ещё даже не закончили скорбеть по почившему супругу! Ужасный указ! Весь ваш народ был в гневе! — заводится Мора.

— Но то была воля... верховного правителя? — вновь предполагаю... и получаю кивок от своего наивного информатора.

Как же она облегчает мне жизнь, кто бы знал! Титул ей, что ли, за это пожаловать?..

— Ваш второй супруг, Тай-Вэй, — женщина подаёт мне второй портрет, — покорила ваше сердце своей внешностью.

Смотрю на белые волосы, на молодое лицо, на прямой нос и ясный взгляд своего второго мужа... и расслабленно улыбаюсь. Ну, с этим мы *можем* жить.

— Вы не должны притворяться при мне, — неожиданно сурово произносит Мора, — этот мужчина принёс вам столько бед.

Ох... это она на мою улыбку так отреагировала?..

— Он не ценил меня, — негромко отзываюсь, вновь закидывая удочку.

— Ценил! Да он сослал вас в самый малонаселённый округ, оправдывая свое решение вашей мнимой слабостью! Конечно, слабое здоровье у нас лечат на болотах! Вот ведь гадкий человек!

— Ну, полно тебе, Мора, — утешаю свою защитницу. — Теперь я здорова как лошадь и готова бороться за свои права.

Надеюсь, не перегнула с открытым феминизмом? Но вроде ничего — моя помощница сидит, не морщится.

— Но он дал окружному совету приказ следить за вашими перемещениями и не выпускать вас из виду! Разве это нормально? Все верные почившему графу люди были возмущены подобным поведением вашего нового мужа!

Выходит, мой второй супруг имеет какую-то власть, раз позволяет себе принимать такие неоднозначные решения.

— Он приближённый верховного правителя, — доходит до меня.

— А этим кровопийцам только дай где разгуляться, — ворчит Мора, соглашаясь со мной, — управы на них нет.

— Мора, а где твой муж? — смотрю на неё внимательно.

Уж слишком опасные слова она произносит для той, что имеет семью.

— Мне приятно, что вы вспомнили про моего старика. Он умер в прошлом году, и теперь я совсем одна, — тепло улыбнувшись своим воспоминаниям, отвечает женщина.

Отлично. Я сделала правильный выбор. Так и буду действовать впредь — окружать себя вдовами, безоговорочно

верными мне; распространять сеть ищущих и осведомителей по всему графству; везде иметь уши... и руку с кинжалом — если потребуется.

— Моя госпожа... — мягко начинает Мора, опустив голову, — знаю, вам неприятно вспоминать тот день, когда вы решили сбежать... Но скажите, почему вы не послали даже весточки своим подчинённым? Вы бы не остались одна! А новый граф не получил бы возможности избавиться от всех ваших союзников, пока шли поиски вашего тела!

Та-а-ак... кажется, мой второй супруг — монстр похуже первого.

— Я напала на след чёрного колдуна, — вспомнив начало нашего разговора, произношу напряжённо.

— Святые силы! А ведь и верно — вначале людей находили мёртвыми на том краю графства! — Глаза Моры загораются. — Именно там произошли первые убийства!

— Верно, — с умным видом киваю. — И я хотела выследить убийцу! Но, похоже, подобралась слишком близко.

— Но как же вы... одна... — изумлённо протягивает Мора.

— У меня не было выхода! Я понимала, в каком шатком положении нахожусь, и должна была хоть что-то сделать! Хоть как-то доказать свою значимость! — начинаю распалаться, входя в образ.

— Но не таким же опасным способом! — сложив ладони вместе, причитает моя невольная осведомительница.

— Для меня теперь опасно всё, Мора, — совершенно серьёзно произношу, — каждый приём пищи опасен, даже дорога до замка опасна... Если ты думаешь, что я не понимаю, в каком положении оказалась после ссылки на болота... то, поверь, я не настолько глупа.

— Теперь вижу, — взглянув на меня как-то иначе, отзывается Мора.

Некоторое время мы молчим, думая каждая о своём.

— Вы уже не та наивная и запуганная семнадцатилетняя девочка, которую я встретила пять лет назад. Теперь

вы — настоящая женщина. И боец, — протягивает моя помощница, печально глядя куда-то в сторону.

— И мне нужны такие же бойцы, Мора. Я хочу, чтобы моё окружение состояло из женщин, верных мне до смерти. Я не дам Тай-Вэю шанса устранить меня по-тихому. Понятия не имею, зачем ему понадобилось жениться на мне, но он не получит от этого брака ничего — даю тебе слово!

— Моя госпожа, — Мора оказывается на полу перед моими ногами раньше, чем я успеваю отреагировать. — Небеса послали вам мудрость и силу! Я могу лишь молиться за ваше здоровье теперь, когда вижу, что вы больше не нуждаетесь в опеке!

Эй-эй! Ещё как нуждаюсь!

— Найди мне союзниц. Таких как ты. Вдов, верных мне. Вдов советников или вдов управляющих моими землями. Мне нужны те, что смогут доносить до меня неискажённую информацию, — произношу повелительным голосом.

— У вас будут союзницы, моя госпожа! — жарко отвечает Мора. — Со всех уголков ваших земель!

Ну, хоть с этим разобрались.

— К слову, об этом... — неожиданно переводит тему моя помощница, — та работница, что обнаружила вас, сказала, что вы выбежали из леса... Как вы попали в эту часть графских земель?

Так. А теперь самое время взглянуть на эти самые земли...

— Мне и самой интересно, — отвечаю Море. — Для того чтобы понять, как это произошло, необходимо проследить весь мой путь. Ты принесла мне карту?

— Её сейчас доставят вам! — Глаза женщины загораются. — Буквально с минуты на минуту!

— Отлично, — встаю и начинаю прогуливаться по гостевой.

Как бы мне так всё успеть за эту неделю? И тело в порядок привести, и союзниц отыскать, и охрану карете подобрать из верных людей.

Вот только... кто мне верен-то? Большая часть людей даже не видели свою графиню в лицо. У меня ни герба дома, ни какой особой печати с собой нет — да и откуда?..

У меня даже денег нет, чтобы наёмников нанять...

— Моя госпожа, ещё один вопрос, — вновь подает голос Мора.

— Да? — Разворачиваюсь к ней и замечаю, что та переговаривается с прислужницей в коридоре.

— То платье, в котором вас нашли... что с ним делать? Сжечь его?

— Как можно быстрее, — не желая вспоминать тот день, который я провела в нём, произношу резко; а затем осекаюсь: — Хотя подожди! Дай мне посмотреть на него. — Сама не знаю, почему решаю это сделать, но ноги уже ведут меня к двери.

Зацепка. Мне нужна хоть одна зацепка — что *на самом деле* делала графиня в этом платье в том сарае? Она стала частью ритуала, проводимого тем самым колдуном? Она была его жертвой?

Мне необходимо получить ответы на эти вопросы. Возможно, в будущем от этого будет зависеть моя жизнь...

И я очень надеюсь, что платье, которое я не удосужилась осмотреть как следует, даст мне хоть какой-то шанс зацепиться за прошлое графини.

Не задавая лишних вопросов, Мора ведёт меня через весь дом; мы спускаемся по лестнице на первый этаж, затем идем по коридору в крыло слуг, выходим на улицу, пересекаем задний двор с верёвками для белья и подходим к строению, в котором я угадываю конюшню. Единственный конь приветствует меня одиноким ржанием, когда мы проходим мимо — в самый дальний угол постройки, где на полу, устланном сеном, лежит кучка грязной одежды.

Мора бросает на меня взгляд и наклоняется вниз...

— Я сама, — произношу чётко и резко, удивляя саму себя подобной реакцией; затем добавляю чуть мягче: — Оставь меня, пожалуйста.

Помощница никак не комментирует мою просьбу, но, думаю, одного взгляда на тряпьё хватает для того, чтобы понять — с ним были связаны не самые приятные события последних двух недель из жизни графини.

Хотя я думаю, что, вполне возможно, хозяйка тела проходила в этом платье весь месяц: молодой граф Паучьих земель вряд ли расщедрился на новый гардероб для опальной жёнушки.

Когда на другом краю конюшни за Морой прикрывается дверь, я присаживаюсь на корточки и поднимаю за край своё уже почти неузнаваемое дорожное одеяние. Дранный подол тут же начинает мозолить глаз, напоминая о доме на опушке. И о четырёх коконах с мёртвыми телами внутри...

Прикрываю глаза, медленно выдыхая и гася внутри воспоминания.

Не хочу этого помнить.

Кладу платье на пол и начинаю проверять карманы.

— Ну же, Минока, дай мне хоть что-то, — бормочу под нос.

Вообще не имею привычки разговаривать сама с собой, но в том-то и суть, что просьба моя была направлена хозяйке тела... Не небеса же мне просить вернуть меня обратно: ясно ведь, что меня притянуло тем ритуалом — что бы он ни значил и какую бы цель ни имел...

Рука нащупывает в кармане небольшой предмет странной формы, и моё сердце начинает отбивать дикий ритм: это не сухофрукт и не орех... это что-то... достаю предмет и с удивлением смотрю на маленькую фигурку паучка — буквально с подушечку большого пальца в длину.

Это что вообще? Игрушка?

Рассматриваю свою находку на ладони. Сделано явно из какого-то камня чёрного цвета, но по весу даже не догадаешься — настолько лёгкое изделие! Потому-то я его и не заметила, когда ходила в платье: карман ничего не отягощало.

— Ну, и что мне с тобой делать? — задаю вопрос вслух.

— На шее носить, — раздаётся незнакомый голос с ноткой ленцы и безразличия в интонациях.

Поворачиваю голову и замечаю молодого человека, сидящего на корточках буквально в паре сантиметров от меня.

Он как тут оказался так незаметно?!

— Ты кто? — спрашиваю ошарашенно.

— Ха Ру, — отвечает молодой человек, даже, я бы сказала, юноша, глядя на паучка в моей ладошке.

— Это имя и фамилия или только имя? — почему-то уточняю.

— Вы с небес, что ли, спустились? У всех безродных один слог в имени и один в фамилии, — всё так же лениво протягивает Ха Ру, склонив голову и продолжая смотреть на мою ладонь; затем переводит взгляд на меня и спрашивает: — А вы всегда разговариваете с вещами? Довольно любопытно посмотреть на вас в торговых рядах.

— А ты разговорчивый, — поднимаюсь на ноги, неожиданно ощутив его мужскую энергетику.

Мы сидели слишком близко. Но его ничего не смущало.

Присматриваюсь к юноше. Не уверена, что смогу угадать возраст, но скорее всего ему лет двадцать — двадцать один. Светловолосый, явно обросший лентяй в дешёвой одежде мальчишки на побегушках.

— Ты здесь чистишь конюшню? — уточняю сухо.

— С чего такой вывод сделали? — протягивает Ха Ру, подняв на меня взгляд.

Удивительно, как его пепельные волосы сочетаются с серыми глазами.

— Ты здесь. Это конюшня, — замечаю логически.

— Я пришёл к своему Седому, — юноша поднимается на ноги и идёт к стойлу.

Смотрю на то, как он гладит жеребца по серой гриве, и недоумеваю: что с ним не так? Разговаривает со мной на «вы», но делает это так, словно я его подружка. Или дурочка какая из соседнего села, над которой надо взять опеку.

В общем... слишком много вольностей себе позволяет.

— Что твой конь делает в этой конюшне? — уточняю властным голосом.

— Отдыхает, — звучит такой подробный ответ, что я чую запах откровенной издёвки.

— Ха Ру, ты вообще в курсе... — замолкаю, чуть не сказав «кто я».

Естественно, он не в курсе. С чего бы?

Моё платье говорит о многом, но явно не о моём имени.

— Что? — уточняет парень, так естественно развернувшись ко мне, словно такое вот свободное общение между нами — это норма.

— Неважно, — отворачиваю голову, поймав себя на откровенном разглядывании его лица, волос, шеи, плеч, рук, груди... к слову, о телосложении. — Ты — воин?

— Нет, — бросают мне ответ.

Хмыкаю от такой дерзости. Серьёзно. Он словно плюнул через плечо. Но так... лениво плюнул. Словно и не хотел даже.

— С оружием обращаться умеешь? — продолжаю, перефразировав вопрос.

— Умею, — бросают мне с теми же интонациями.

— Значит, ты воин, Ха Ру? — уточняю очевидное, поднимая бровь.

— Нет.

Бесит.

— Ты не хочешь говорить об этом? — закидываю удочку с другой стороны.

А что ещё делать? Мне охранников где-то искать надо, а тут один — считай, под ногами валяется! Бери — не хочу.

Вот только он, кажется, как раз из тех, кто «не хочу»...

— Я не воин, — повторяет юноша.

— А я не графиня, — устав от этого бесполезного диалога, закатываю глаза.

— Нет, вы-то как раз вполне можете быть графиней. Но я совершенно точно не воин.

Застываю, напряжённо глядя на него.

— Мне нужен защитник, Ха Ру. Через неделю. В пути от этого дома до графского замка. Поможешь мне добраться живой? — серьёзным голосом спрашиваю.

Что-то подсказывает мне, что он не так прост, как кажется. И что его потенциал выше заявленного «не воина». В нём есть какая-то загадка. И я не могу упустить возможность воспользоваться его способностями — если они действительно есть.

А я чувствую, что они есть...

— Сколько заплатите? — уточняет юноша, не глядя на меня.

— Сколько попросишь, — отвечаю ровно.

Понятия не имею, сколько у меня денег. Но, если доберусь живой, оплату для него достану. Это просто *будет того стоить*.

— Хорошо, — кивает парень, — попрошу, как доедем.

Слегка удивлённая, продолжаю смотреть на него.

— Ты берёшься? — переспрашиваю на всякий случай.

— Я же сказал, — бросив на меня скучающий взгляд, отзывается Ха Ру.

— Берёшься охранять меня?

— Таким вроде и было задание, — протягивает юноша «усталым от моей глупости» голосом.

— Ты... будешь здесь через семь дней? — недоверчиво уточняю, сосредоточенно глядя на него.

— Прямо тут и буду, — в последний раз погладив коня по гриве, отвечает Ха Ру и выходит из стойла. — Уверены, что не хотите уточнить цену?

— Уверена. Ты не попросишь больше, чем я смогу дать, — спокойно произношу.

Как графиня, думаю, я на многое способна.

Осталось только добраться до замка и занять своё законное место.

— Смотрите, — бросает мне юноша, проходя к выходу, — не пожалейте потом.

— Это угроза? — с усмешкой спрашиваю, а сама напряжённо жду ответа.

Но юноша выходит из конюшни, проигнорировав необходимость отвечать.

Думаю, самое время узнать, кто такой этот Ха Ру. Уверена, раз он держит своего коня здесь — он имеет прямое отношение к хозяевам дома.

А хозяева дома — мои слуги.

С этим проблем не должно возникнуть.

Глава 4

— Мора! Эти тряпки необходимо сжечь, — произношу властным голосом, выходя из конюшни.

— Будет сделано, моя госпожа, — склоняет голову Мора, и в следующую секунду из крыла для слуг выходит прислужница с железным ведром и идёт внутрь строения.

Не проходит и минуты, как я вижу уничтожение единственной ниточки, способной связать меня с Домом Четырёх Смертей — как я решила про себя называть то место, где меня едва не взяли силой. Это мягко выражаясь.

Проследив до конца за процессом сжигания, поворачиваюсь к Море и спрашиваю:

— Кем был тот юноша, что вышел из конюшни передо мной?

— Юноша? О ком вы? — удивлённо уточняет помощница. — Из конюшни никто не выходил: вы были там одна.

Сжимаю фигурку паучка в ладони, напряжённо глядя на Мору.

— Ты куда-то отходила? — уточняю спокойно.

— Я была здесь, моя госпожа, — чётко отвечает Мора, — я могла отвернуться от входа, но пропустить выход постороннего человека из конюшни я точно не могла.

Стою, даже не зная, как отреагировать на эти слова.

— Вы всё ещё не до конца пришли в себя? У вас... видения? — с заботой в голосе участливо спрашивает помощница.

— Да, должно быть, мне почудилось, — произношу медленно.

Это была галлюцинация?

Пожалуй, есть только один способ проверить.

— Мора, а чей жеребец стоит в конюшне? И чей это вообще дом?

— Это дом вашего слуги, а значит — это ваш дом, — отвечает Мора, склонив голову, — здесь живёт глава окружного совета.

— Он не выдаст моему мужу, что я жива? — сосредоточенно уточняю.

— Нет, он верен покойному графу, — успокаивает меня Мора, — чем дальше от столицы графства живут люди, тем более преданны они вам и памяти своего предыдущего хозяина.

Учитывая, что большая часть подданных женского пола по указу старика живёт на границе графства, я вообще в шоке, что их преданность до сих пор актуальна. Тут же должна быть земля мятежников! Земля недовольных своей ссылкой женщин и покорных им мужчин!

Но, кажется, в логической цепочке следствий произошёл сбой.

Что-то вызвало еще больше негодования, чем последнее решение умершего графа.

М-да... думаю, моему второму муженьку надо в ножки поклониться за то, что он так хреново управляет нечестно добытой собственностью.

— Хорошо, тогда ответь, это конь главы совета стоит в конюшне? — кивнув на строение, спрашиваю.

— Нет, этот жеребец принадлежит одному бездельнику. Местному охламону — Ха Ру. Ему разрешили пользоваться конюшней, поскольку глава окружного совета отправил всех своих лошадей на поля — сейчас сезон сбора урожая.

— Ха Ру, — произношу, сама не понимая, чему радуюсь и почему так старательно скрываю свою радость, — расскажи мне о нём.

— Нечего рассказывать. Лентяй, каких ещё поискать. Берётся только за лёгкую и высокооплачиваемую работу, потому, сами понимаете, часто сидит без дела. Абсолют-

но потерянный для общества и ни на что не годный молодой человек.

Что ж, приятно познакомиться, *Ха Ру*. Даже любопытно, понимаешь ли ты, на что согласился? И, что немало важно, понимаю ли я сама, кого взяла себе в охранники?

И почему мне хочется улыбаться, слушая описание самого отъявленного бездельника из уст своей помощницы?..

— А что конь простолюдина делает в конюшне главы совета? Что за связи у этого *Ха Ру*? — произношу, пересекая задний двор.

— Понятия не имею, какую услугу этот никчёмный юноша оказал главе, но ему действительно разрешено пользоваться опустевшей конюшней. Правда, лишь до конца сезона сбора урожая, — недовольным голосом отвечает Мора. — И — да, моя госпожа! Забыла сообщить: заказанные вами карты были доставлены в ваши покои.

Так вот на что она отвлеклась — и чем *Ха Ру* успел воспользоваться.

И всё же он слишком бесшумный для «лентяя и бездельника».

— Отлично, — растягиваю улыбку на губах и стремительно захожу в дом.

Настало время знакомиться со своими владениями.

Тридцать минут усиленного изучения схематического обозначения земель своего графства, и я валюсь на кровать с головной болью.

— Моя госпожа? — озабоченно протягивает Мора.

— У меня мозг кипит от этого, — пальцем указываю на стол, где лежит злополучная карта. А точнее, целая стопка карт.

— Да вроде всё понятно, — хмурится Мора, — тут столица графства, тут лучевой принцип застройки городов, тут граница...

Ха. Ха-ха. Это она на верхнюю смотрит. А теперь, внимание, цирковой номер — связи все эти «зарисовки» друг с другом, пойми, где какой город по разным экземплярам карт, соотнеси все эти обрывки с общей схемой,

учитывая абсолютно незнакомую тебе территорию, затем пойми, на чём специализируется каждый город, кто его управляющий, вспомни, как далеко этот город от столицы, найди те самые болота, на которые Минока была отправлена, а потом отыщи тот город, где находишься сейчас... хорошо хоть — по названию, озвученному Морой...

— Одно радует: я поняла, как оказалась здесь, — произношу обессиленно.

— И как же?

— Шла вдоль границы, — выдыхаю, закрывая глаза.

Те болотистые земли, куда была сослана графиня, находятся на северо-востоке; город, в котором я сейчас нахожусь, на юго-востоке; логично было бы предположить, что Минока передвигалась по окраинным городам, где представительница слабого пола не вызовет той реакции, что появилась у мужчин в Доме Четырёх Смертей...

К слову, тот посёлок, к которому принадлежал дом пекаря и в черте которого находился дом насильников, я тоже нашла: он такой один приблизительно в двадцати пяти километрах отсюда. Никак не названный, на карте он обозначен едва заметной точкой. Почему я уверена, что те дома находились именно в нём? Потому что он попадает на «меридиан» срединных земель, на которые всё ещё распространяется указ покойного графа: там нет женщин. Это совершенно точно. Тот... мужчина сказал: «Давно у меня не было девки».

Я не могу ошибиться.

Но тогда, если я права, графиня по какой-то причине сбилась со своего курса и зашла на срединные земли, где и произошёл ритуал... и где в её тело попала моя душа. А уже меня, на волне страха от увиденного в доме пекаря, а потом от ужаса в доме оголодавших по бабам мужиков, понесло обратно в сторону границы графства...

Тру лоб, пытаюсь понять, что могло быть целью ритуала. В складке своего платья нахожу карман, ладонью ныряю внутрь и обхватываю пальцами фигурку паучка. Очень бы не хотелось, чтобы колдун явился ко мне од-

нажды ночью, потребовав плату за услугу, о которой я не имею никакого представления... это в случае, если графиня была в сговоре с этим убийцей...

— Всё слишком сложно, — бормочу, успокаиваясь от поглаживания гладких граней фигурки в кармане.

— А когда было легко, моя госпожа? — философски протягивает моя помощница.

— Хороший вопрос, — отзываюсь с закрытыми глазами; затем решительно их открываю и поднимаюсь на ноги. — Мне нужны вдовы управляющих, Мора. И вдовы глав окружных советов. Мне нужны женщины, бывавшие у власти и знающие все нюансы. Возраст не имеет значения. У нас есть семь дней, чтобы набрать свой собственный совет, который будет помогать мне налаживать дела в графстве. И, естественно, первым указом живой графини, вернувшейся в свой замок, будет отмена ссылки женщин на границу.

— Полагаю, новый рассвет ждёт графство Дайго, — с улыбкой отзывается Мора.

— Самый что ни на есть, — киваю, переводя взгляд в окно.

Неделю спустя...

— Моя госпожа, это неприемлемо!

Мора стоит и с откровенным негодованием смотрит на Ха Ру.

— У вас достаточно охранников, присланных Советом Вдов! Вам не нужен... этот! — продолжает неистовствовать моя помощница и правая рука.

Перевожу взгляд на юношу.

— Пусть это будет моя прихоть, — произношу со спокойной улыбкой, — могу я её себе позволить?

— Вы можете позволить себе всё, что угодно, но кормить дармоеда и платить ему ни за что... — вновь начинается помощница.

— Мора, — останавливаю её; разворачиваюсь к Ха Ру и потягиваю руку в сторону своей кареты. — Благодарю за то, что присоединился ко мне. Место для тебя...

— Я поеду на Седом, — перебивает меня Ха Ру.

Смотрю на него озадаченно. Разве он не должен быть *моим личным* телохранителем и всегда оставаться рядом?

— И всё же... — произношу мягко.

— Позвольте делать то, что я умею, — лениво протягивает парень, вновь перебивая меня, и ведёт своего коня вперёд.

— А что ты умеешь? — бросает Мора ему в спину и качает головой. — Не понимаю я этого, моя госпожа. Не понимаю.

— Я не прошу меня понять. Я прошу меня услышать: он едет с нами, — произношу чётко, затем следую к своей карете.

Охранников у меня действительно предостаточно — все новообретённые союзницы выслали своих людей для защиты моей жизни. А также по моей большой просьбе выслали слуг, которые теперь сидели в телеге в самом конце вереницы запряжённых лошадей.

Никто не стал задавать вопросов — зачем я попросила выслать верных им людей, и я была рада, что меня слушают беспрекословно. Они всё поймут, как только мы доберёмся до замка.

Забираюсь в карету и приоткрываю шторку окна.

— Геон, — произношу негромко.

Самый опытный боец, личный телохранитель вдовы управляющего западным округом, переданный мне верной союзницей, подъезжает к карете на гнедом.

— Что скажешь о нём? — спрашиваю, кивнув в сторону Ха Ру, занявшего место в самом начале нашей кавалькады... *если можно так выразиться...*

— Сложно дать ответ с ходу, — низким голосом отвечает Геон, рассматривая спину моего нового охранника, — но, если встал впереди, значит, знает, что делать. Никто бы не стал так рисковать, не имея навыков отбить внезапную атаку.

— Наблюдай за ним, — кивнув, произношу я и отпускаю главу своей охраны.

— Выдвигаемся через пять минут, — громко произносит Геон, а я расслабленно откидываюсь на мягкую спинку сиденья.

За эту неделю я многое усвоила. И самое главное — это принцип выживания, заключающийся в выражении «доверяй, но проверяй». До того, как мы окончательно утвердили всех тайных членов Совета Вдов, мы были вынуждены избавиться от одной предательницы, которая едва не отправила в замок послание... Геон, только вступивший в свою должность, успел перехватить письмо и без промедления отправил вдову в мир иной.

Была ли я поражена этим убийством и скошена депрессией от осознания своей вины? Нет. Хорошо помнила мужчин в *там даме*. Меня здесь никто жалеть не будет — так какой смысл быть жалостливой и добросердечной?

Виноват? Прими наказание.

В любом случае ты сам делаешь свой выбор.

Касательно последних смертей — слухи о семье пекаря достигли этого округа, и народ нынче встревожен: все ждут новой беды. Именно поэтому, когда я спросила Морю, что мы будем с этим делать, она успокоила меня словами:

— По следам колдуна уже пустили Охотника.

На мой вопрос о том, кто это, Мора многозначительно промолчала, а затем прошептала благоговейно:

— Он найдёт убийцу. Всегда находил. Поверьте, госпожа, волноваться больше не о чем.

— А кто нанял этого самого Охотника? — уточнила я, разумно предположив, что это сделала явно не графиня.

— Ваш супруг, моя госпожа, — неохотно поделилась со мной Мора, — хоть что-то полезное сделал, хоть и припозднился со своим решением — столько народу уже погибло!

В общем, всё, что я поняла, это что Охотник идёт по следу уже две недели и что он владеет странной родовой магией, аналогов которой не существует. Судя по всему,

он способен вычислить любого колдуна, вступившего на тёмный путь.

По поводу ситуации с магией в этом мире — здесь ей может обладать любой смертный, родившийся с большим резервом внутренней энергии. Умение ощущать эту самую энергию и культивировать её в себе с помощью системы практик отличает колдунов от простых людей. На самом деле колдунами здесь называют именно тех, кто пошёл по самому простому пути — использования своих резервов для своих мелких целей без какого-либо обучения; проще говоря, колдуны — это самоучки; они не умеют наращивать силу сами и довольствуются тем минимумом, что дан им от рождения. Нередко эти люди заканчивают, как наш чёрный колдун, убийствами людей для искусственного увеличения своего резерва.

Те люди, что умеют *возвращать* силу внутри себя и направляют её на людское благо, называются заклинателями.

Не знаю, владела ли графиня хоть какими-то силами; по крайней мере, я ничего особенного внутри себя не чувствую. Но для заклинателей из знатных родов есть ещё одна возможность увеличить собственный резерв и перейти на новый уровень силы... и я сейчас говорю о самой странной особенности этого мира по сравнению с нашим.

Здесь всё ещё — одновременно с обыкновенными людьми и животными — существует раса высших существ и священных зверей. Это те существа, что населяли планету задолго до появления людей. Они обитают на территории Заповедного Острова, попасть куда крайне сложно и требует огромных финансовых затрат: остров затерян в море и охраняется куполом из естественной защитной энергии. Но если заклинатель каким-то образом смог отыскать этот остров и преодолеть его естественную защиту, он имеет шанс поймать священного зверя с помощью специального аркана — передающегося по наследству в самых известных семьях империи — и пе-

ретьянуть жизненную энергию этого редкого существа в тотем.

Естественно, мало кому удавалось раздобыть подобное сокровище. Поэтому заклинатели, овладевшие энергией священного животного, выходили на новый уровень силы и получали новый статус в обществе. Тотемом даже могли не пользоваться — одно его наличие в сокровищнице семьи делало членов данного рода Хранителями Равновесия Империи. А заклинателей, что смогли овладеть энергией священных животных через тотем, называли Мастерами.

Обо всём об этом я вычитала в книге «История Империи» — одной из многих, проглоченных мной за эту неделю, благо все они были довольно тонкими. Но ни в одной из книг так и не нашла заметок о высшей расе. Кто они? На что они способны? Как выйти с ними на связь и возможно ли это вообще?.. Ни строчки, словно это — что-то само собой разумеющееся. Ладно, разберёмся по ходу. Другое дело — заметка об аркане, где указано, что ни одному заклинателю ещё ни разу не удалось получить энергию высшего существа.

Не знаю, почему, но меня эта строчка порадовала. Убивать животных — дело привычное для жителей земли: может, мы и не делаем это своими руками, но все едим их мясо или носим их кожу и мех, молчаливо поддерживая этот процесс.

Ладно, для честности стоит заметить, что не все, но большинство.

Поэтому для меня походы заклинателей за энергией священных зверей — вполне понятная история. Хотя я этого и не одобряю, если совсем по-честному: это как убийство животных из Красной книги — не ради выживания, а ради непонятных понтов со статусом и привилегиями.

Но другое дело — убийство кого-то из высшей расы...

Вообще не могу понять, как таким можно будет гордиться. И кому это вообще может прийти в голову? Поэ-

тому рада, что ещё никто из живых людей не смог сделать ничего подобного.

Но к чему я всё это веду? В книгах по истории Империи перечислены имена нескольких родов, имеющих вес на политической арене; среди них упомянут и род Дайго. Насколько я поняла, в сокровищнице старика хранится тот самый аркан, с помощью которого можно поймать и опустошить священного зверя. А вот в роду моего нового муженька такой игрушки нет. И, недолго думая, я пришла к выводу, что это могло быть причиной скорой свадьбы: если не деньги и не земли, то власть или даже сама возможность обрести невиданную силу — вот что могло прельстить Тай-Вэя, семья которого пусть и богата, но находится много ниже рода Дайго в иерархической лестнице империи. Если это так, то я очень надеюсь, что аркан хорошо спрятан и что мой дражайший супруг так его и не нашёл. Потому что я планирую избавиться от захватчика. Любым способом.

Он уже показал своё отношение к браку. Настал мой черёд демонстрировать своё...

К слову, об именах и слогах в имени и фамилии — это тоже интересная традиция Империи Рассвета, как её здесь называют. Как и сказал Ха Ру, один слог в имени и один в фамилии — отличительная черта простолюдинов. Имя, состоящее из двух слогов, выдаёт человека, приближённого к знаниям; это учёные, врачи, хранители ключей в замках, управляющие землями — представители исполнительной власти; люди, владеющие сложной профессией, или люди, чья работа сопряжена с большой ответственностью. Простолюдин редко может изменить своё имя, прибавив к нему ещё один слог, но всё же это возможно — и проходит под контролем мирового судьи.

Что касается людей, чьи имена состоят из двух трёхбуквенных слогов — это представители власть имущих. Графы, их жёны и дети, бароны, главы окружных советов и даже семья императора — все они имеют имена из шести букв, состоящие из двух слогов. Люди, приближённые